

¹З.Х. Шахпутова*
²Н.Ф. Алефиренко
¹М.Б. Нуртазина

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

*Автор для корреспонденции: zukhrakhad@mail.ru

Механизмы экспликации этнокультурной ауры автохтонного и переводного текста

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия и понимания этнокультурной ауры художественного текста. Доказывается, что восприятие художественного текста как совокупности этноязыковых образов требует эмоционального и интеллектуального включения реципиента в мысленный диалог с автохтонным миром текста. Подчеркивается значение предметно-чувственного восприятия для адекватной интерпретации концептуально значимых смыслов текста. Этноязыковыми образами, излучающими автохтонную ауру, представляются концепты «қоңыр күз» и «ақ жауын». Восприятие происходит посредством осмысления языковых средств, создающих в воображении предметно-чувственные образы. Внимание сосредоточено на создании в повести этноязыковых образов автохтонного художественного текста и на когнитивно-метафорических истоках его этнокультурной ауры. В ходе анализа выявлено, что понимание текста представляет собой поэтапный процесс, включающий эмоционально-чувственное восприятие образа на уровне ощущений, переживание как текстовосприятие на основе субъективного жизненного опыта (включение его в свое смысловое пространство) и интерпретацию как мысленное разложение целостного текста на его компоненты и мысленное соединение этих компонентов в целое. Лингвокультурологическая интерпретация ключевых концептов «жауын», «қоңыр», «күз» выявила индивидуально-авторский смысл дискурсопорождающего концепта «қоңыр күз», который метафорически раскрывается в тексте через образ белого дождя (ақ жауын). Определяются изобразительно-выразительные средства языка, способствующие воплощению рассматриваемых этноязыковых образов. Проведенный анализ позволил выявить имплицитно представленную в тексте концептуальную метафору «жизнь – извилистая дорога» как важнейший конституент нарративного дискурса повести.

Ключевые слова: автохтонный художественный текст, этнокультурная аура, нарративный дискурс, концепт, этноязыковой образ, метафора.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2022-141-4-92-105>

Введение

Постановка проблемы. Художественные тексты казахских писателей, посвященные жизни родного края, наполнены ярким эт-

нокультурным колоритом, освоение которого служит глубинному постижению веками сформированного автохтонного жизнеустройства. Такие тексты, с одной стороны, обогащают самосознание современного молодого

поколения, а с другой – являются источником приобщения инофонов (носителей других этнокультур) к автохтонной картине мира казахов через переводы текстов казахских авторов на английский и русский языки. Во втором случае для когнитивной лингвопоэтики важно выявить те речевые средства, которые сохраняют этнокультурную ауру переводимого художественного текста. Этнокультурная суггестия исследуемых художественных текстов (далее – ХТ) зиждется на внутренних свойствах словесного творчества (образности, эстетическом воздействии, наличии подтекста, субъективности восприятия, множественности интерпретаций), которые интенционально обращены к воображению и интеллекту читателя. Самобытные тексты казахских писателей мы называем автохтонными. Этнокультурная аура автохтонного ХТ нуждается в комплексной адаптации для адекватного её восприятия читателем-инофоном. Это вызвано не только своеобразной речевой архитектурой автохтонных ХТ, но и их экстралингвистическим подтекстом, национально-культурной спецификой содержательно-смыслового целого. В свете представленных суждений перманентной актуальностью характеризуется проблема механизма экспликации, адекватного понимания и интерпретации автохтонного ХТ иноязычными реципиентами. Основной целью предпринятого дискурсивно-герменевтического анализа этнокультурной ауры нарративного дискурса повести Калихана Искакова «Қоңыр күз еді» («Белые дожди» / «A Quiet Autumn») является выявление и описание тех ментальных конструктов в памяти казахского этноса, которые служат источниками отбора этнокультурных маркеров ценностно-смысловой ауры текстопорождающего дискурса речевого произведения в его автохтонной и переводной версиях.

Методология и методика исследования

Методологической основой исследования служит положение о производности языкового сознания субъекта дискурсивной деятельности от этнокультурной памяти, в основе которой хранится некая сетка цен-

ностно-смысловых координат этнокультуры. Материалом лингвокультурологической интерпретации послужила повесть Калихана Искакова «Қоңыр күз еді» в оригинале [1] и переводных версиях на русский и английский языки [2; 3]. Этнокультурная аура автохтонного ХТ исследуется на основе дискурсивно-герменевтического подхода, синтезирующего в себе дискурсивно-концептуальный, контекстуальный анализ текста с использованием приема словарной идентификации.

Результаты и обсуждение

Этноязыковые образы автохтонного художественного текста

Каждый автохтонный ХТ – это совокупность уникальных словесных образов, трансформирующаяся при ее рецепции в дискурс, который есть коммуникативно-когнитивное взаимодействие между автохтонным миром ХТ и внутренним миром реципиента. Эффективность художественной коммуникации определяется преимущественно способностью реципиента эмоционально и интеллектуально включиться в диалог с автором ХТ, что и понимается как умение интерпретировать смысл воспринимаемого текста. Взаимодействие читателя с автохтонным ХТ осуществляется как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне. Ему приходится не только делать смысловые умозаключения, но и адекватно воспринимать образно-событийные представления персонажей [см. 4, 188 с.]. Учитывая, что такой текст нацелен на формирование художественного (эмоционального) переживания реципиента, нам представляется чрезвычайно актуальной идея о важности его предметно-чувственного восприятия для адекватного понимания смысла текста. Эмоции и переживания несмотря на то, что они проецируются этнической культурой, способствуют универсальному восприятию уникальных образов и ауры ХТ. Под художественным переживанием мы, вслед за А. Vezhikov, O. Bohovuk, понимаем «высокий эмоциональный уровень восприятия коммуникативного события, который превращает смысловое содержание дискурса в факт читательского

сознания, создавая в нём мысленную модель коммуникативного пространства текста» [5, 4 с.]. Коммуникативное пространство ХТ характеризуется как диалоговое взаимодействие писателя и читателя / реципиента, в ходе которого возникает эмоционально окрашенная ментальная репрезентация фрагмента мира. Именно из такого эмоционально согретого воспоминания далекого детства формируется особая эмоциональная аура нарративного дискурса повести Калихана Искакова «Қоңыр күз еді».

Нарративный дискурс данной повести можно охарактеризовать как своего рода «рассказ-настроение», в котором первостепенны чувства, эмоции и настроения переживаемого события. Он состоит из воспоминаний о послевоенном детстве, интернате и родном ауле на Алтае, где проходило формирование личности героя-нарратора Касыма. Проиллюстрируем примером: «Сөйтіп мен де ел санатына қосылып қалған сияқтымын. Өзімді-өзім емін-еркін ұстап, жаңа бір өмірге еңгендей сезіндім. Осы бір кішкентай ауыл өмірі де, кем-кетігі бола тұрса да, әзірге менің қарашаңырағымның орнын жапқан интернат тіршілігі де кең жазира көлдей шалқынған үлкен

дүниенің тынысындай болып көрінді. Көптің ортасы, мінгесіп-ұшқысып бір төсекте жатамыз, таласып-тармасып бір қазаннан ас ішеміз, кейде қағысып, кейде шекісіп қап жүрсек те, бір ошақтың басынан тарап, бірге өреміз. Осы көптің ортасында мен де өсе бастаған секілдімін» [1, 22 с.].

Этнокультурная аура вышеприведенного фрагмента оригинального текста отражает особенности казахского этноязыкового сознания: понимание того, что человек может жить (выжить) и достигать своих целей только объединившись с другими людьми, т.е. в обществе, и поэтому важно **найти свое место в обществе**. Касым, оказавшись в интернате, окупнулся в большой мир, влился в новую жизнь, стал полноправным членом общества.

Становление личности многих аульных детей послевоенных лет формировалось в интернате, ставшем для них общим домом, откуда каждый пошел в большой мир своей дорогой: согревались у одного очага, ели из одного казана; несмотря на то, что иногда сталкивались, спорили, они выросли вместе. Этим ощущением единства и солидарности проецируется тональность нарратива. В переводных версиях (русской и английской) для

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
«С этого дня я ощутил себя равным среди своих сверстников , как бы приобщился к новой интересной жизни . И все, что происходило в этом маленьком ауле, носящем название Топкаин, что означало Березовая роща, все заботы, которыми жил интернат, ставший моим домом , мне казалось, несли в себе дыхание и ритм огромного мира . Я находился среди множества людей . Мы, ребята, жили и спали в одной комнате, по двое на кровати . Это было похоже на то, как мы по двое усаживались в ауле на коня. Ели в тесной столовой , одному доставалось больше еды, другому меньше, бывали и обиды, случались драки , но нашу интернатскую жизнь мы, наверное, не согласились бы променять ни на какую другую, будь она самая что ни на есть прекрасная. Я чувствовал, что взрослею на глазах, узнаю жизнь все больше и обретаю уверенность » [2, 307 с.].	From that day on I felt myself to be an equal among my peers, involved, as it were, in a new and interesting life . And everything that happened in that little auyl bearing the name of Topkajyn – which meant 'birch grove' – all the concerns that made up the life of the breath and rhythm of the enormous world . I found myself among a multitude of people . We, the lads, lived and slept in one room, two to a bed . It was similar to the way we mounted up two to a horse in our auyls . We ate in a cramped canteen , where one would get more food, another less, and sometimes there were grievances, too, fights would break out , but we would probably not have agreed to exchange our boarding school life for any other, even one utterly wonderful. I felt I was maturing dramatically, learning more and more about life, and gaining confidence » [3, 91 с.].

передачи атмосферы переполненного детьми интерната, когда дети спали по двое на кровати, используются образные ассоциации, как дети в ауле, бывало, катались по двое на одной лошади («*Это было похоже на то, как мы по двое усаживались в ауле на коня*»). Кроме этого, переводчик для выражения теплого отношения Касыма к интернатской жизни расширяет оригинальный текст словами «*не согласились бы променять ни на какую другую, будь она самая что ни на есть распрекрасная*». Английский вариант идентичен русскому тексту, поскольку перевод на английский язык, вероятно, осуществлялся через русский язык.

Тем не менее воспоминания о днях далекого детства, проведенных в интернате, несмотря на тесные, неудобные условия жизни в переполненном общежитии (*спали на одной кровати, ели из одного казана*), а также пренебрежительное отношение к сиротам некоторых взрослых (директора интерната Маймуруна, его жены Куляш – учительницы и воспитательницы, тестя Маймуруна завхоза Зейнуллы), излучают ауру теплоты и благодарности судьбе и Родине, предоставившей детям-сиротам возможность получить образование и стать полноправными людьми. Эмоциональная компонента посредством глагола *чувствовать* выражает ощущение радости и гордости одновременно: главный герой, чувствуя себя равным рядом с другими интернатскими детьми, получая знания и опыт, обретая уверенность, взрослея, вливается в новую жизнь.

Приятные воспоминания о родном ауле, интернатской жизни передаются через образ осени, отношение к которой заложено в самом заглавии произведения, содержащем наряду с концептом *күз / осень* цветоконцепт *қоңыр / коричневый*. В казахском этноязыковом сознании цветолексема *қоңыр / коричневый* несет символический смысл, передавая теплые, приятные, романтические ощущения: *қоңыр ән* (приятная, нежная песня), *қоңыр дауыс* (низковатый, приятный голос), *қоңыр жел* (прохладный, летний ветерок), *қоңыр самал* (слабый нежный ветерок), *қоңыр салқын* (легкая и приятная прохлада), *қоңыр күз* (бабье лето, поздняя осень) [6]. В отличие от узу-

ального ощущения осени «*қоңыр күз – бабье лето, поздняя осень*» [там же] писатель вкладывает в данное сочетание свой, индивидуально-авторский смысл, эксплицируемый из цветолексема *қоңыр* – «приятный». Ш.К. Жаркынбекова разъясняет, что цветолексема *қоңыр*, используется казахами для выражения особой теплоты, приятности, мягкости. «*Это – сама камерность, нечто интимное, когда человек остается наедине со своими сокровенными мыслями и желаниями*» [7, 163 с.]. Из текста повести следует, что именно приятные воспоминания о моментах уединения с самим собой, своими мечтами, связанными с первой любовью, заложены в основе текстового концепта «*қоңыр күз*».

Следовательно, адекватное понимание авторского смысла достигается через призму этнокультурной семантики лексема *қоңыр*, на основе которой раскрывается индивидуально-авторское значение словосочетания *қоңыр күз*. Индивидуально-авторский смысл концепта «*қоңыр күз*» раскрывается через образ белого дождя (ақ жауын – продолжительный мелкий дождь [6]). Концепт *Ақ жауын* (*ақ жаңбыр*) / *белый дождь / white rain*, характерный для Алтайского края, предстает региональным концептом. Такой дождь наблюдается при прохождении теплого циклона в лесостепных, полупустынных и высокогорных районах Казахстана и характеризуется непрерывной длительностью (от нескольких часов до нескольких суток), равномерным темпом [см. 8, 61 с.]. Языковой образ белого дождя взят за основу при переводе заглавия повести на русский язык: *Белые дожди*. В русском переводе предпринята попытка сохранить автохтонность поэтической ауры: приятного и легкого мироощущения белесого дождя. При переводе заглавия на английский язык ‘*A quiet autumn*’ (букв.: тихая осень) акцент делается, прежде всего, на состоянии души героя-нарратора в моменты уединения со своими мыслями и мечтами, ощущения блаженства и тихой радости под монотонное звучание нескончаемого белого дождя. Эти моменты уединения приходились на выходные дни и каникулярное время, когда все дети разъез-

жались по домам в свои аулы, а в интернате оставались только три сироты: Касым, его друг Жарыкжұлдыз и одноклассник по кличке Горбатый. Они были предоставлены сами себе. В общежитии, где царила полная тишина, каждый был занят своим любимым делом: Горбатый все выходные не выходил из кухни; Жарыкжұлдыз решал логические задачи; Касым наслаждался ничегонеделанием, наблюдая за моросящим за окном дождем и мечтая: «Қоңыр күз. Мен терезенің алдында отырмын. Ақ жауын толассыз себелеп тұр [1, 49 с.] / *Тихая осень. Я сидел у окна и смотрел на улицу. Моросил долгий, нескончаемый дождь* [2, 343 с.] / *The quiet autumn. I sat by the window and looked outside. There was a long, unending drizzle of rain*» [3, 116 с.]. Нарративно-дискурсивное восприятие тишины соответствует коммуникативно-событийной реалии: аул Топкаин, где находился интернат, был тихим местечком, спрятавшимся в густом таежном лесу.

Осень в образе белого дождя ассоциируется с особо значимым периодом в жизни Касыма. Той осенью, незабываемой, по-особенному дождливой, когда, приехав учиться в интернат, Касым находит верных друзей; здесь он испытывает чувство первой любви; здесь он постигает красоту художественного слова. Языковой образ осени раскрывается в тексте повести на основе чувственного восприятия и создается сочетанием зрительных, слуховых, тактильных представлений: *ақ жауын себелеп тұр, жол лайсаң, соқыр тұман жұтып қойыпты, әрі ұзақ, әрі жауынды куз, ақ жауын толассыз себелеп тұр / моросил белесый дождь, дорогу развезло, плотный туман поглотил, и долгая и дождливая осень, сеет мелкий (моросящий) нескончаемый белый дождь / white rain was drizzling, the road was impassable, thick mist had screened, there was a long, unending drizzle of rain.* Кроме этих языковых образов, в повести используются другие репрезентанты концепта «осень»: *қоңыр күз, лекіте соққан жел, жөңкіле көшкен бұлт, қалтырап ұшқан жанырақ / приятная осень, порывами дул ветер, по небу караванами неслись тучи, летали дрожащие листья / a quiet autumn, the wind was blowing in gusts outside, caravans of storm clouds were rushing across the sky, trembling leaves were flying in the air.*

На основе представленных языковых единиц складывается образ продолжительно дождливой осени. Дождь, который, по словам самого персонажа-нарратора Касыма, на Алтае называют белым, своей продолжительной монотонностью завораживает его. Вспомним, что Касым, созерцая моросящий за окном дождь, плывущие в небе тучи и летающие листья или слушая монотонный звук дождя в теплой постели, всегда мечтал. В своих мечтах он парил вместе с Алтын среди звезд, гостил в неведомых краях. Мечты его перетекали в сказочные сны, и это казалось ему раем. Поэтому дождливая осень у него ассоциировалась со сладостными мечтами и сокровенными желаниями. «Тыстагы терезені сабалаган жауынның сыртылын, лүпілдеген өз жүрегенің соғысын тындап қана жылы төсекте жатсаң-ау шіркін!» [1, 28 с.] / «Что может быть лучше, чем лежать в теплой постели и слушать, как монотонно стучит дождь в оконное стекло и как вторит ему твое сердце?» [2, 314 с.], – вопрошает главный герой. Данный фрагмент русского переводного текста, представленного в вопросительной форме, адекватно транслирует яркую эмоциональную окрашенность оригинального текста, эксплицируемую возгласом «шіркін» (о! эх!) – выражением чувства восторга, удовлетворения, заветного желания о том, как прекрасно лежать в теплой постели и слушать звук бьющего в окно дождя и учащенный стук своего сердца.

Кроме субъективного отношения героя к дождливой осени, важно подчеркнуть, что оно отражает доминанты казахского этноязыкового сознания: *дождь* и *снег* символизируют *благоденствие, благодать*, ниспосланные с неба на землю. Соответственно, дождь воспринимается героем как *благодать*, особое расположение небес к нему, своего рода благоприятный знак на счастье и удачу. Именно в ту пору его юности зарождается чувство любви (любовь к Алтын), понимание значимости дружеского плеча (дружба с Жарыкжұлдызом и Алтын), что более важно, осознание своего предназначения в жизни (любовь к литературе). Первая любовь и верная дружба, окрыляя его, вдохновили на словотворчество. Слова-

ми самого нарратора можно заключить, что однажды осенью произнесенные *теплые слова, памятный жест, единственный взгляд* дали благополучный старт в большой мир и, как животворные токи твоего неустанного движения по линии судьбы, продолжают вести по извилистой дороге жизни. Таким образом, этнокультурный смысл макроконцепта «қоңыр күз», реализуемый через концепт «ақ жауын», символизирующий благодать, можно интерпретировать как благодатное время года. В то же время образ белого дождя репрезентирует Алтай, восточный регион Казахской земли – благодатный край, любовью к которому пронизаны описания природы малой родины в разное время года.

Когнитивно-метафорические истоки этнокультурной ауры художественного текста. Метафоризация этнокультурных маркеров нарративного дискурса, как и ею проецируемые речевые контексты, позволяют писателю осуществлять на основе образного мышления индивидуально-авторскую интерпретацию сложных элементов дискурсивной ситуации «путем переосмысления базисных знаний когнитивно-дискурсивного опыта» [9, 319 с.]. Взаимосвязь образного мышления автора автохтонного текста и этноязыкового сознания читателя осуществляется через метафоризацию коммуникативного события, благодаря которой происходит синергичное слияние в сознании реалий осмысливаемого события и их образного восприятия. Продуктом такой синергии является когнитивная метафора, представляющая собой результат сигнификативной репрезентации какого-либо предмета мысли через референтное видение другого предмета [см. 10, 174 с.], которая используется в ХТ для того, чтобы мысль получила яркую образную репрезентацию, трансформирующую когнитивную картину мира в художественную. Так, в повести Калихана Искакова «Қоңыр күз еді» используемая в её названии когнитивная метафора «қоңыр күз» позволяет произвести *смысловую* интерпретацию переживаемого события через его предметное соотнесение с осенним дождём. Оязковление когнитивной метафоры становится

возможным потому, что лежащий в его основе перенос происходит на основе произвольных ассоциаций [11], которые реконструируются только с помощью нарративно-дискурсивного анализа вертикального контекста, в рамках которого этот перенос произошёл. Словесные метафоры в анализируемой повести, как показывает проведённый нами анализ, своим возникновением обязаны метафоре когнитивной.

Словесная метафоризация по сути своей лингвокогнитивный процесс отображения в повести коммуникативного события, способ репрезентации его фрагментов через призму ранее интуитивно воспринятого опытным путём предметного мира [12, 288 с.]. Контаминацией этих двух типов метафоры (когнитивной и словесной) в повести К. Искакова как раз и создаётся её этнокультурная аура. Она играет важную роль для понимания художественной картины мира казахов на переломе эпох как в тексте оригинала, так и в его переводной версии. Активизируя работу эмоционального и интеллектуального уровней мышления, метафора позволяет лаконично и самобытно выразить трудновыразимое. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «метафора регулярно служит знакообозначению объектов «невидимых миров», средством выражения внутреннего мира человека, моделей его поведения, нравственных качеств, состояний сознания, эмоций и поступков» [10, 174 с.]. Когнитивная метафора в автохтонном ХТ может являться носителем концептуального смысла всего текста. Как утверждает В.В. Красных, метафора может скрываться за произведением, а произведение само может предстать развернутой метафорой [13, 196 с.].

Так, в анализируемой повести когнитивная метафора «қоңыр күз» находится в эпицентре макроконцепта «жизнь». Следовательно, за произведением можно увидеть концептуальную метафору «жизнь – извилистая дорога», которая ассоциируется с длинной извилистой дорогой со множеством ухабов, на которой встречается и хорошее, и плохое. Каждый персонаж произведения по-своему проходит эту дорогу, полную чередующихся встреч и

разлук. Путеводителем на дороге жизни служит любовь: любовь к дорожному сердцу человека, к любимому делу, к родной земле. В таком своём смысловом наполнении это чувство образует в повести художественный концепт «любовь». Любовь к малой родине объективируется различными языковыми образами, дающими живописные изображения природы Восточного Казахстана с помощью различных тропов. Так, в описании осенней поры широко представлены олицетворения: *слепой туман, туман проглотил, раскрыв крылья, прикрыв, горы словно осели*. Ср. в автохтонном контексте: «Ақ жауын себелеп тұр. Жол лайсаң. Алтай өңірінің ең бір жүден шағы, көңілсіз шағы. **Соқыр тұман** оның биік сілемдерін жым-жылас қып **жұтып қойыпты**. Енді бөктерлеп келіп **қанат жайып, күргейлеп алған**. **Тау** да бірте-бірте **аласарып**, адырлы жота-қыратқа айналып шөгіп бара жатқан сияқты. Әр жерде селдіреген ойдым-ойдым шоқ ағаштар болмаса, етекте бұрынғыдай ну орман жоқ, үркіп барып сонау жоғарыдағы алқым-алқымдарға тығылып қалыпты» [1, 12 с.] / «Сеял мелкий нескончаемый дождь, который у нас называют белым. Дорогу развело. На Алтае это самая неприглядная и скучная пора. **Плотный туман укрыл** высокие горные вершины и теперь **навис своими крыльями над** пологими склонами. **Горы** словно **осели** и **смирившись** с тем, что о красоте местности теперь станут судить по угрюмым увалам и неуклюжим сопкам. Внизу уже не осталось былого густого леса, разве что зеленели то тут то там группы деревьев; колки эти упорно выбирались вверх по склонам, постепенно, исподволь сливаясь друг с другом, и образовывали густые лесные чащи на террасах и седловинах гор» [2, 291 с.] / «There was a sprinkling of that unending drizzle we call 'white rain'. «The road was impassable. This is the most unattractive and miserable time in the Altaj. A **thick mist** had screened the high mountain summits and had now **hung its wings over the gentle slopes**. It was as if the **mountains had sunk** and resigned themselves to the beauty of the area now being judged by sullen ridges and clumsy knolls. Down below, there was no longer anything left of the former dense forest, there were only maybe clumps of trees showing green here or there; these outliers were stubbornly making

their way up across the slopes, gradually, by degrees, merging with each other and forming dense forest thickets on the terraces and saddles of the mountains» [2, 80 с.]

В этом же фрагменте автохтонного текста важную роль в формировании этнокультурной ауры играют языковые образы: **соқыр тұман жұтып қойыпты** (букв.: слепой туман проглотил), **қанат жайып, күргейлеп алған** (букв.: раскрыв крылья, закрыл их), **тау да бірте-бірте аласарып** (горы постепенно понизились, осели), **шоқ ағаштар сонау жоғарыдағы алқым-алқымдарға тығылып қалыпты** (группы деревьев спрятались в шейках вершук гор). Речевые репрезентации этих образов в оригинальном и переводном текстах различаются этноязыковой ментальностью автохтонов и инофононов. Казахское метафорическое словосочетание содержит эпитет *соқыр / слепой*, который в русском и английском переводах представлен прилагательным 'плотный' / *thick*; казахский эпитет *соқыр* создает яркую олицетворённую образность, тогда как его переводные соответствия её лишены, что частично компенсируется расширяющим этот метафорический образ выражением *навис своими крыльями над пологими склонами*. Казахскому лингвопоэтическому образу (*тұман*) *қанат жайып* (букв.: раскрыв крылья) в русском переводе соответствует совсем другая когнитивная метафора «туман навис», что мотивируется этноязыковым образом раскрытых крыльев парящей (висящей в воздухе) птицы; казахский языковой образ *тау да бірте-бірте аласарып* (постепенно понижаясь, оседая), в основе которого лежит когнитивная метафора «иллюзия оседания хребта» передается в русском и английском переводах эквивалентным словосочетанием *горы осели / the mountains sunk*, где глагол *оседать / to sink* означает 'опускаться', 'медленно снижаться'. Переводные версии наделяют языковой образ, лежащий в основании когнитивной метафоры, человеческими ощущениями: (горы) *словно осели и смирившись* с тем, что о красоте местности теперь станут судить по *угрюмым перевалам и неуклюжим сопкам* [2, 291 с.] / (*mountains*) *had sunk and resigned themselves to the beauty of the*

area now being judged by sullen ridges and clumsy knolls [3, 80 с.]. Во второй части этого фрагмента переводы содержат более широкую интерпретацию картины иллюзорного восприятия окутанных туманом горных хребтов. Ср.: в оригинале: «*Әр жерде селдіреген ойдым-ойдым шоқ ағаштар болмаса, етекте бұрынғыдай ну орман жоқ, үркіп барып сонау жогарыдағы алқым-алқымдарға тығылып қалыпты*» [1, 12 с.] (букв.: Повсюду местами редеют группы деревьев, нет того густого леса у подножия гор, как это было раньше; они, пугаясь, спрятались в шейке / у горловины гор), в русском и английском переводах: «*Внизу уже не осталось былого густого леса, разве что зеленели то тут, то там группы деревьев; колки эти выбирались наверх по склонам, постепенно, исподволь сливаясь друг с другом, и образовывали густые лесные чащи на террасах и седловинах гор*» [2, 291 с.] / *Down below, there was no longer anything left of the former dense forest, there were only maybe clumps of trees showing green here and there; these outliers were stubbornly making their way up across the slopes, gradually, by degrees, merging with each other and forming dense forest thickets on the terraces and saddles of the mountains* [3, 80 с.].

Языковые образы-олицетворения нередко в переводных версиях служат также основанием для возникновения метафорических эпитетов – тропов, обладающих признаками эпитета и метафоры. Такие тропы таят в себе скрытые необычные сравнения, благодаря которым создаётся рельефная и поэтически зримая аура языковых образов: *угрюмые перевалы, неуклюжие сопки / sullen ridges, clumsy knolls*. Такое придание человеческих свойств и признаков элементам природного ландшафта одушевляют также неодушевленные объекты: *террасы и седловины гор*. *Терраса* здесь как горизонтальный уступ на склоне гор ассоциируется с открытым помещением человеческого жилища с крышей, *седловина* – полого-выпуклое понижение в горном хребте напоминает прогиб, вогнутость в спине лошади. В соответствующем фрагменте оригинала когнитивная метафора вербализуется метафорическим словосочетанием *сонау жогарыдағы алқым-алқымдар* (букв.: ‘шейки горных

вершин’, напоминающие изгиб под подбородком). Такой метафорический образ позволил переводчику ассоциировать вогнутость в горном хребте с седловиной. Если осенний пейзаж навеивает грусть, то наступление долгожданной весны вызывает радость: «*Біздің Алтай баурайына көктем кешігіп келеді. Сарғайтып барып, сағынтып барып бір-ақ келеді. Ызғар табын күрт сындырып, тіршіліктің буын-буынын босатып, балқытып әкестер шуағы бар*» [1, 37 с.]. Весна приходит запоздало, истомив долгим ожиданием, заставив тосковать (*сарғайтып барып, сағынтып барып*). В то же время резкое потепление представлено действием весны, сносящей остатки зимы: *күрт сындырып* (букв.: резко ломать), смысл которого передает русский фразеологизм *рубить под корень* и английское словосочетание *chops the remains of winter*. Весна своим теплом высвобождая всё живое, вызывает приятную истому. В переводных версиях этого дискурса данный языковой образ усиливается узусными фразеологизмами: рус. *терять голову* и *испытывать блаженство* / англ. *loses its head, experiences (hitherto unknown) bliss*. Кроме того, эти языковые образы в переводе обогащаются индивидуально-авторскими фразеологизмами *забываться в сказочной неге / forgets itself in fabulous contentment*.

Необыкновенная красота стремительно пробуждающейся после крепкого зимнего сна природы вызывает восхищение красотой и гордость персонажа (Касыма) за свой родной край. Его отношение к родному аулу Топкаин, частице его души, красноречиво транслируется метафорическим представлением аула как живого существа (человека). Аул, словно человек, наделяется способностью замыкаться в себе, погружаться в сон, просыпаться: «*Қыс бойы жым-жұрт ұйықтап қалады да, көктем жете ол да жылымен таласа ояматын еді*» [1, 37 с.] / «*Долгой зимой он (аул) замкнут в себе, будто погружен в глубокий сон, а весной с первыми солнечными лучами мгновенно оживает*» [2, 327 с.] / «*In the long winter it withdraws into itself, as if sunk into a deep sleep, but in spring, with the first rays of sunshine, it instantly comes to life*» [1, 105 с.]. Ср.: *жым-жұрт* (букв.: ста-

новится тихим, безмолвным) / замкнут в себе / *withdraws into itself*; ұйықтап қалады / погружен в глубокий сон / *sunk into a deep sleep*; оянатын / оживает / *comes to life*. Олицетворённый языковой образ дома создаётся множественной персонификацией: дома проглядывали сонными глазами, которые на фоне деревьев казались скрытыми под ресницами: «Үйлері ағаш арасынан селдіреп қана көрінеді» [1, 46 с.] / «**Дома проглядывали через деревья, напоминая сонные глаза, скрытые под ресницами**» [2, 339 с.] / The houses looked out through the trees, reminiscent of sleepy eyes hidden behind their lashes [3, 113 с.]. Возникает триединый языковой образ: глаза проглядывали, глаза сонные, глаза, скрытые под ресницами.

В анализируемых ценностно-смысловых фрагментах переводного текста содержится информация, без понимания которой инфонам сложно ощутить этнокультурную ауру автохтонного текста, поскольку она является ключом к проникновению в специфику языкового сознания писателя. Анализ переводов рассматриваемой повести убеждает нас в том, что они не только транслируют эту информацию, но и передают колорит представленной в повести отдаленной эпохи и даже, говоря словами В. фон Гумбольдта, «дух языка». Поскольку «каждый язык представляет собой особую, неповторимую, не совпадающую ни с каким другим языком систему, по-своему отражающую и закрепляющую в себе наше восприятие окружающего мира» [14, 188 с.], неуместным считается «буквальный» перевод. Нельзя признать эффективным для передачи этнокультурной ауры и «свободный», или «вольный» перевод (это две крайности, не позволяющие считать трансфер «адекватным»), так как появляется риск вообще утратить колорит переводимого текста. Для его сохранения в переводном тексте оказывается важной экспликация авторских дискурсивно-ситуативных смыслов. А поскольку анализируемая повесть излагает биографические события, то эффективным является нарративно-дискурсивный подход к осмыслению её переводных версий. Такой подход ориентирован на исследование переводного текста как «вторичного

литературного творчества» [15, 18 с.], учитывающего такие важные для передачи этнокультурной ауры автохтонного текста аспекты, как его поэтика и стилистика. Он способствует также ощущению психологической самобытности персонажей повести, которая, по мнению В.Г. Белинского, обнаруживается «в особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке... в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и понятиях народа, и без них народ есть образ без лица, мечта, небывалая и несбыточная» [16, 35-36 с.].

Представляется важным и перспективным выделение принципов, на основе которых возможно выявление особенностей демонстрации этнокультурной ауры переводного текста: 1) **принцип адекватности** при рассмотрении соответствия переводимого текста переводному позволил выяснить, насколько соответствуют передаче этнокультурной ауры используемые идиомы, обозначаемы реалии, лексическая сочетаемость, речевая синонимика, игра слов, раскрывающие скрытый подтекст; 2) **принцип**, сохраняющий ауру автохтонного ХТ, помог раскрыть **соответствие** элементарных **языковых образов** предметам реальной действительности, понимание их ассоциативных связей друг с другом. «В результате возникают сложные языковые образы, представляющие собой вторичные, третичные образования по степени удаленности» от автохтонных представлений [см.: 17, 11 с.]. Такая удаленность наблюдается и в переводах повести с казахского языка на русский и английский, что позволяет избежать опасной крайности: воспроизведение языковых образов ради образов любой ценой. Наблюдения В. Беньямин показывают: «Погоня за воспроизведением образов ради образов – болезнь перевода, и она засоряет и запутывает язык [18, 47 с.]; 3) **принцип**, позволяющий передать во вторичном тексте колорит эпохи, – **сохранение** в переводах его **функционального назначения**, когда создающие языковой образ автохтонные признаки проявляются «в

Рисунок 1. Механизмы экспликации этнокультурной ауры

психологии персонажей, в их отношениях к окружающей среде, в их действиях, поступках, чувствах и т.п.» [19, 218 с.]. Применяемые нами три принципа не только способствуют пониманию того, как и насколько сохраняется в переводах этнокультурная аура, но и демонстрируют её сущность. Становится ясно, что этническое в ценностно-смысловом содержании текста повести является не просто выражением национального характера или народного менталитета, а функциональным феноменом, проявляющемся в её вертикальном контексте.

Алтай, с любовью изображённый в различных изобразительно-выразительных красках, тем не менее, представлен писателем в ракурсе одной ассоциативной доминанты – образа белого дождя – символа благодати, ниспосланной Тенгри, небесным духом, верховным божеством, в которое верили древние тюрки (ср. «Кок Тенгри» – небесный Бог). Такой языковой образ белого дождя помогает адекватно воспринимать весь нарративный дискурс, создаваемый писателем: людей, вещи, поступки, переживания персонажей на фоне природы. Подобное изображение природы, на фоне которой действуют персонажи, формирует мир их мыслей и представлений. Таким образом, понимание реципиентом автохтонного и переводных текстов, исходящего из его субъективного опыта, осуществляется посредством осмысления языковых средств, создающих в воображении образы: *осень – белый дождь – Ал-*

тай – родной аул Топкаин – интернат – Алтын и Жарыкжұлдыз – дружба и любовь, что в целом и олицетворяют концепт ‘жизнь’.

Теоретическое обобщение изложенного можно представить в следующей схеме (рис. 1).

Соответственно, восприятие этнокультурной ауры художественного текста происходит последовательно в три этапа: 1) на основе ощущений в форме образа (*осень, дождь*); 2) как переживание (восприятие текста реципиентом в соответствии с его жизненным опытом и включение его в «свое смысловое поле»); 3) в виде интерпретации переживаемого этнокультурного макроконцепта «*қоңыр күз*», представленного в названии повести (мысленного разложения целого смыслового содержания текста на его составляющие и их мысленное соединение в целое).

Заключение

Этноязыковые образы автохтонного художественного текста являются предметно-чувственными экспликаторами самобытной картины мира, где универсальные концепты получают этноязыковой смысл. Уникальный автохтонный мир произведения воспринимается как целостный образ, проживается, сопереживается и интерпретируется на основе субъективного жизненного опыта коммуникантов. Эмоциональная тональность автохтонного текста и его переводных вер-

сий способствует адекватному пониманию этнокультурного своеобразия универсальных концептов («осень», «дождь», «любовь»), детерминированных этноязыковым сознанием. Эффективным способом создания этноязыковых образов, излучающих автохтонную ауру, служит когнитивная метафора, которая чаще всего вербализуется экзотической лексикой, олицетворениями и метафорическими эпитетами в соответствии с изобразительно-выразительными возможностями казахского, русского и английского языков.

Список литературы

1. Ысқақ Қ. Қоңыр күз еді: әңгіме, повесть, роман. – Алматы: Атамұра, 2003. – 251 б.
2. Искаков К. Кедрьы высокые: роман, повести, рассказы / Пер. с каз. С. Санбаева. – Астана: Аударма, 2010. – 573 с.
3. Contemporary Kazakh Literature: Prose. Cambridge University Press, National Bureau of Translations (Kazakhstan), 2019. – 628 p.
4. Lovrovic L., Kolega C-Th. Teaching Culture through Reading Literature in English Language Teaching // ELOPE: English Language Overseas Perspectives and Enquiries. – 2021. – Vol. 18. – Iss. 2. – P. 185-203.
5. Bezrukov A., Bohovyk O. Creating communicative space and textual reality via emotiogenic means in fictional discourse // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. – 2021. –Vol. 13. – Iss.1. – P. 1-14.
6. Казахско-русский словарь: Ок. 50 000слов / Под ред. член-кор. НАН РК Р.Г. Сыздыковой, проф. К.Ш. Хусаин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.
7. Жаркынбекова Ш.К. Цвет-сознание-менталитет: реконструкция цветовой картины мира в казахской и русской лингвокультурах. – Астана: ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, 2011. – 188 с.
8. Манапбаева Ж.Ж. С. Елубайдың «Ақ боз үй» романындағы ұлттық реалиялардың орыс және ағылшын тілдеріндегі аудармаларының барабарлығы: PhD дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация: 6D020700. – Алматы: Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, 2022. – 423 б.
9. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Стебунова К.К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. – 2021. – Т.18. – № 2. – С. 313-338.
10. Алефиренко Н.Ф. Дискурс: смыслопорождающий механизм текста. – Градец-Кралове: Gaudeamus, 2019. – 228 с.
11. Выготский Л.В. Мышление и речь. – Изд. 5, испр. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 352 с.
12. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 1987. – 631 p.
13. Красных В.В. Всегда ли метафора это только «сжатый сюжет»? // Критика и семиотика. – 2019. – № 2. – С. 194-205.
14. Бархударов Л.С. Язык и перевод: (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отнош., 2015. – 240 с.
15. Эткинд Е.Г. Художественный перевод: искусство и наука // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 15-29.
16. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. Т.1. – М.: Худ. лит-ра, 1976. – 736 с.
17. Биbihин В.В. К проблеме определения сущности перевода // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отнош. – 1973. – С. 3-14.
18. Benjamin W. Die Aufgabe des Obersetzers // Schriften. – Frankfurt a. M., 1955. – P. 40-54.
19. Ширинова Р.Х. Национальная картина мира в художественном переводе // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуман. науки. – 2012. – С. 218-223.
20. Кравцова Ю.В. Метафорическое моделирование мира в художественном тексте: семантико-когнитивный анализ. – Киев: Изд-во НПУ им. М.П. Драгоманова, 2014. – 320 с.

References

1. Yskak K. Konyr kyz edi: əngime, povest', roman [A quiet autumn: short stories, novellas, novel] (Atamura, Almaty, 2003. 251 p.) [In Kazakh]
2. Iskakov K. Kedry vysokie: roman, povesti, rasskazy [High Cedars: novel, novellas, short stories] (Audarma, Astana, 2010. 573 p.) [In Russian]
3. Contemporary Kazakh Literature: Prose (Cambridge University Press, National Bureau of Translations (Kazakhstan), 2019, 782 p.) [In English]
4. Lovrovic L., Kolega C-Th. Teaching Culture through Reading Literature in English Language Teaching, ELOPE: English Language Overseas Perspectives and Enquiries, 2 (18), 185-203 (2021). [In English]
5. Bezrukov A., Bohovyk O. Creating communicative space and textual reality via emotiogenic means in fictional discourse, Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities, 1 (13), 1-14 (2021). [In English]
6. Kazakhsko-russkii slovar' [Kazakh-Russian Dictionary] (Daik-Press, Almaty, 2002. 1008 p.)
7. Zharkynbekova Sh.K. Tsvet-soznanie-mentalitet: rekonstruktsiya tsvetovoi kartiny mira v kazakhskoi i russkoi lingvokul'turakh [Color-consciousness-mentality: reconstruction of the color picture of the world in Kazakh and Russian linguistic cultures] (Astana, 2011, 188 p.) [In Russian]
8. Manapbaeva Zh.Zh. S. Elubaidyn «Ak boz yi» romanynyday ul'tyik realiyalaryn orys zhane agylshyn tilderindegi audarmalarynyn barabarlygy: PhD darezhesin alu ushin daiyndalghan dissertatsiya [Adequacy of translations of national realities in Russian and English in S. Elubay's novel «Lonely Yurt»: dissertation of PhD thesis]. Al-Farabi Kazakh State Un-ty, Almaty, 2021, 423 p. [In Kazakh]
9. Alefirenko N.F., Nurtazina M.B., Stebunova K.K. V poiskakh kognitivno-lingvisticheskoi metodologii ucheniya o diskurse [In search of cognitive-linguistic methodology of the discourse doctrine], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Yazyk i literatura [Bulletin of St. Petersburg University Language and Literature], 2 (18), 313-338 (2021). [In Russian]
10. Alefirenko N.F. Diskurs: smysloporozhdayushchii mekhanizm teksta [Discourse: the meaning-generating mechanism of the text] (Gaudeamus, Gradets-Kralove, 2019, 228 p.) [In Russian]
11. Vygotsky L.V. Myshlenie i rech' [Thinking and speech] (Publishing house «Labyrinth», Moscow, 1999, 352 p.) [In Russian]
12. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. (The University of Chicago Press, Chicago and London, 1987. 631 p.)
13. Krasnykh V.V. Vsegda li metafora eto tol'ko «szzhatyi syuzhet»? [Is metaphor always just a «compressed plot»?], Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics], 2, 194-205 (2019). [In Russian]
14. Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod: (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) [Language and translation: (Questions of general and particular theory of translation)] (International Relations, Moscow, 2015. 240 p.). [In Russian]
15. Etkind E.G. Khudozhestvennyi perevod: iskusstvo i nauka [Literary translation: art and science], Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics], 4, 15-29 (1970). [In Russian]
16. Belinsky V.G. Sobr. sochinenii v 9 t. T. 1 [Collected works in 9 vols. Vol. 1] (Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1976, 736 p.). [In Russian]
17. Bibikhin V.V. K probleme opredeleniya sushchnosti perevoda [On the problem of determining the translation essence], Tetradi perevodchika [Translator's notebooks] (Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, 1973. P. 3-14. [In Russian]
18. Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers [The task of the translator], Schriften [Fonts] (Frankfurt am Main, 1955, p. 40-54). [In German]
19. Shirinova R.Kh. Natsional'naya kartina mira v khudozhestvennom perevode [The national picture of the world in artistic translation], Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 218-223 (2012).
20. Kravtsova Yu.V. Metaforicheskoe modelirovanie mira v khudozhestvennom tekste: semantiko-kognitivnyi analiz [Metaphorical modeling of the world in a literary text: semantic and cognitive analysis] (Publishing House of M.P. Dragomanov NPU, Kiev, 2014, 320 p.). [In Russian]

З.Х. Шахпутова¹, Н.Ф. Алефиренко², М.Б. Нуртазина¹

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

²Белгород мемлекеттік ұлттық зерттеу университеті, Белгород, Ресей

Автохтонды және аударма мәтіннің этномәдени аурасын экспликациялау механизмдері

Аңдатпа. Мақалада көркем мәтіннің этномәдени аурасын қабылдау және түсіну проблемасы қарастырылады. Этно-тілдік бейнелердің жиынтығы ретінде көркем мәтінді қабылдау реципиентті мәтіннің автохтонды әлемімен ойша диалогына эмоционалды және интеллектуалды енгізуді қажет ететіні дәлелденді. Мәтіннің тұжырымдамалы маңызды мағыналарын нақты түсіндіру үшін заттық-сезімдік қабылдаудың мәні ерекше атап өтіледі. Этно тілдік бейнелер болып автохтонды аураны сәулелендіретін «қоңыр күз» және «ақ жауын» концептілері ұсынылады. Қабылдау қиялдағы заттық-сезімдік бейнелерді құрайтын тілдік құралдарды түсіну арқылы жүреді. Повесте автохтонды көркем мәтіннің этнотілдік бейнелерін құрауға және оның этномәдени аурасының танымдық-метафоралық шығу тегіне назар аударылып шоғырландырылды. Талдау барысында мәтінді түсіну сезім деңгейінде бейнені эмоционалды-сезімдік қабылдауды, субъективті өмірлік тәжірибе негізінде (оны өзінің мағыналы кеңістігіне қосу) мәтінді қабылдау ретінде алаңдауды және интерпретацияны тұтас мәтіннің ойша оның құрамдас бөліктерге ыдырауы ретінде және осы құрамдас бөліктерінің бүтіндікке ойша қосылуын өзіне қосатын кезең-кезеңмен жүретін процесс екендігі анықталды. «Жауын», «қоңыр», «күз» негізгі тұжырымдаламарының лингвомәдени түсіндіруі «қоңыр күз» тұжырымдамасының дискурс тудыратын жеке-авторлық мағынасын анықтады, ол ақ жауын бейнесі арқылы мәтінде метафоралық түрде ашылады. Қарастырылып отырған этнотілдік бейнелерді іске асыруға ықпал ететін тілдің бейнелі-өрнекті құралдары анықталады. Жүргізілген талдау мәтінде жанама түрде ұсынылған «өмір – бұралған жол» тұжырымдалы метафорасын повестің баяндық дискурсының маңызды құраушысы ретінде анықтауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: автохтонды көркем мәтін, этномәдени аура, баяндау дискурс, тұжырымдама, этнотілдік бейне, метафора.

Z.Kh. Shakhputova¹, N.F. Alefirenko², M.B. Nurtazina¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

²Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Mechanisms of explicating ethno-cultural aura of an autochthonous and translated text

Abstract. The article deals with the problem of perception and understanding of ethno-cultural aura in literary text. It is proved that the perception of literary text as a set of ethno-linguistic images requires the recipient's emotional and intellectual inclusion in a mental dialogue with the text's autochthonous world. The importance of subject-sensory perception for adequate interpretation of the text's conceptually significant meanings is emphasized. The concepts "qonyr kuz" and "aq zhauyn" are represented by ethno-linguistic images radiating autochthonous aura. Perception occurs through comprehension of linguistic means creating in imagination object-sensory images. Attention is focused on creating ethno-linguistic images of autochthonous literary text in the story and on cognitive-metaphorical origins of its ethno-cultural aura. The analysis showed that text understanding is a step-by-step process, including emotional and sensory perception of the image at sensations' level, experience as text perception based on subjective life experience (incorporating it in own semantic space), and interpretation as mental decomposition of integral text into its components and mental connection of these components into a whole. The linguoculturological interpretation of the key concepts "zhauyn", "qonyr", "kuz" revealed the individual author's meaning of the discourse-generating concept «qonyr kuz», which is metaphorically disclosed in text through the image of white rain (aq zhauyn). The visual-expressive means of language contributing to the embodiment of the considered ethno-linguistic images are determined. The analysis made it possible to identify the conceptual metaphor «life is a winding road» implicitly presented in the text as the most important constituent of the story's narrative discourse.

Keywords: autochthonous literary text, ethno-cultural aura, narrative discourse, concept, ethno-linguistic image, metaphor.

Сведения об авторах:

Шахпуртова З.Х. – докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Алефиренко Н.Ф. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Нуртазина М.Б. – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Shakhputova Z.Kh. – PhD student of Theoretical and Applied Linguistics Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Alefirenko N.F. – Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Russian Literature Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Nurtazina M.B. – Doctor of Philology, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.